

Вилорд Байдов

САГИ О КАРЯГЕ

цикл сказаний, песен и стихотворений
“бессмертной души”

Вилорд Байдов

Саги о варяге

«Э.РА»

2012

Байдов В. В.

Саги о варяге / В. В. Байдов — «Э.РА», 2012

В предлагаемой книге автор знакомит читателя со многими событиями и их участниками из истории, главным образом, Руси и России с незапамятных времен до наших дней. Используя представление о вечности человеческих душ, многократно воплощающихся в новых поколениях в течение сменяющихся исторических эпох, автор ведет повествование в виде воспоминаний, сказаний, песен и стихотворений «бессмертной души», обретавшей плоть и судьбы современников многих хорошо или мало известных нам событий и личностей, что «оживляет» повествование о нашем прошлом художественными образами, персонажами, их мыслями и чувствами.

© Байдов В. В., 2012

© Э.РА, 2012

Содержание

Предисловие	5
Сага I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вилорд Байдов

Саги о варяге

Аэлите Байдовой – жене, другу, музе, первому читателю и критику

Предисловие

*России образ в миг прозренья
Из множества зеркал разбитых,
Из чувств и дум, в одно не слитых,
Поэта сложит вдохновенье.
И так ли важно, что историк
Пройдёт, её не узнавая? —
В стихах она совсем иная,
Чем из камней и пыльных хроник!..*

Историей я интересуюсь с детства, когда начал читать серьёзные книги, и одной из первых была историческая повесть о князе Святославе, сыне Ольги и Игоря. Помню, что меня поразил Святослав-мальчик, княжич, который, завидев вражеское войско, бросил сидя на коне, копьё, едва пролетевшее между ушами коня, но этого было достаточно, чтобы началась битва. Я уже тогда стал понимать, что исторические личности были тоже людьми, как и мы. Я старался перевоплотиться в Святослава, сделал себе копьё и, сидя на бревне, бросал его намного дальше, чем по той легенде Святослав, но, конечно, ничего вокруг, подобного прочитанному, не происходило. Историческим мальчикам везло больше, и я мечтал перенестись хотя бы оруженосцем в окружение одного из них. Очень скоро я стал читать беллетризованные повествования об археологических открытиях, путешествиях в поисках исчезнувших цивилизаций и т. п. Интерес к истории резко возрос, но одновременно меня захватывала романтика открывавшейся мне жизни неведомых народов прошлого. Многое, как я потом понял, вспоминая детство и юность, дорисовывало моё воображение.

Мне очень рано стало нравиться сопоставлять исторические факты по официально признанным источникам (летописям, хроникам, анналам) с мифологией, фольклором или авторскими историографическими произведениями в зависимости от эпохи или времени. Ко второй группе я относил, например, Библию, греческие мифы и поэмы Гомера, кельтские артуровские легенды (о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола»), немецкие «Песни о Нибелунгах», карелофинский эпос «Калевала» русские былины и, конечно же, «Слово о полку Игореве», а также ирландские и норвежские саги, записки путешественников и мемуары. Всё это очень

оживляло мой интерес к самим источникам и придавало им требуемый моим воображением цвет и аромат соответствующих времён.

С другой стороны, меня давно занимали вопросы о том, почему у истоков древнего Рима оказалась капилийская волчица и отразилось ли это на его истории; почему появившиеся в Скандинавии на грани VIII и IX веков викинги сразу (как и Киевская Русь) обладали и вооружением и специфическими морскими (а также речными) судами, на разработку которых должны были бы уйти, отнюдь, не десятилетия проб и ошибок, доработок и на чём-то проверок многими поколениями мореходов, воинов и «десантников»; почему в XII веке центр Руси из Киева переместился скачкообразно (за очень короткое время) во Владимир; почему неведомая никому крепостца Москва за два с половиной века превратилась в центр объединения Руси в сильнейшую в Восточной Европе державу; почему рыцарство Европы, вдохновляемое и поощряемое Католической Церковью, не смогло осуществить свой «дранг нах остен», натолкнувшись дважды на сопротивление молодого удельного князя Александра (Невского), которого и быть-то не должно было после совсем недавнего разгрома Руси Батыем; почему, когда у власти в Московском государстве оказались митрополит Алексей (XIV в.) и патриарх Никон (XVII в.), оно добилось переломных успехов в своём историческом развитии, и, наконец, почему на троне на такое длительное время оказался столь «ненормальный» царь Иван Грозный?

Этот интерес с годами только углублялся, и я продолжал посвящать истории все больше своего свободного от профессиональной деятельности времени... И вот настало время подвести в своей душе некоторые итоги тому периоду в жизни, который начался с прекращения регулярной государственной службы и вообще «хождения на работу». Это время пересмотра ценностей совпало со временем очередной ломки в истории страны и общества и, не в последнюю очередь, было вызвано ею.

Знание истории и совсем недавно пережитые мною в Берлине демонтаж социализма в ГДР и объединение её с ФРГ, сильно облегчили мой личный переход к существованию в новых условиях. Многим моим сверстникам без такой подготовки это далось весьма болезненно.

Так вот, пересматривая ценности, я определял, в частности, и направления траты своих душевных и творческих сил и неожиданно для самого себя из ученого физико-химика, чиновника и дипломата крупного ранга стал поэтом, писателем, а в рамках этой метаморфозы – лириком, идеалистом, романтиком. И мне всё больше кажется, что история для меня – источник и одновременно поле романтического отношения к памяти.

Я понимаю, что история – это огромная часть нашей памяти как народа, как русского народа. Но в ней для меня всегда были важны не столько реалии до последних строк и камней, сколько, если хотите, поступки, на которые наших предков подвигали, конечно же, их чувства и мысли. И если мне удастся нащупать в действиях тех людей эти самые чувства, мысли и мотивы, созвучные возникающим у меня, то я пишу о том времени как о пережитом мною самим.

При этом оно оваяно для меня настолько глубоким духом романтики, что этого вполне достаточно для питания надежды на возвращение того времени, на способность силой чувств и духа возродить для себя и, может быть, моего ближайшего окружения Русь и Россию в этом самом романтическом ореоле, «возродить» то, чего не было и не могло быть, но что в те времена, я чувствую и даже знаю, могло бы быть и было бы со мной самим. Тем более что, как сказал Л.Н. Гумилёв, реальные исторические лица, будучи пропущенными через сознание автора, становятся его персонажами, а значит, я погружаюсь не в реальные исторические ситуации, а в среду моих персонажей, моих героев.

Но что же я ожидаю от них для себя лично, что ищу в своих чувствах и действиях, мысленно ставя себя на их места и в их ситуации? В отличие от некоторых исследователей взаимоотношений прототипа, героя и автора, я не могу сказать, что мною движет при этом стрем-

ление к самопознанию. Мне нет необходимости открывать в себе таким способом любовь к моей стране и моему народу. Погружаясь в самые глубины их истории и даже предыстории с моей шкалой ценностей, явно берущей свое начало в нашем XIX веке, я, несмотря на укоренившееся представление о царивших в те исторические времена «варварских» обычаях, нравах и морали, убеждаюсь и тщуся убедить других, что мои герои поступали вполне оправданно с моей точки зрения, т. е. что величие и духовность наших предков заслуживают и сейчас уважения и благодарности потомков.

Пока я пишу, сопереживая моим героям, я нахожусь душой и там, и здесь, и лично мне, по большому счету, достаточно этого вполне для моего собственного душевного равновесия. Я, можно сказать, «пророчествую в прошлое», чтобы попытаться жить этим в как бы «сбывающимся будущем». Романтика такого подхода увлекательна и создаёт в душе ощущение сопричастности и соучастия, ощущение оправданности и нынешней жизни... И для всего этого необходимо наличие лишь Веры!.. А она не может быть продуктом реализма, Вера – романтика, как Надежда и Счастье тоже. Именно так написаны эти «Саги о варяге».

Я в них в привычном мире, в каком не знаю веке —
В моей России время свои меняло веки,
И в памяти за этим живой стирался след
Без счёту поколений, страданий и побед...

Я только что упомянул о любви к моей стране и к моему народу, в которой я убедился, долго живя за границей и возвратившись назад. Убедился в том, что она есть, я её испытываю, мне без неё не быть мною. Но, задавая самому себе вопрос о том, какая она, в чём проявляется, я ловлю себя на желании, как это было у многих других в прошлом, да и сегодня еще тоже, выразить её через березки, часовни на берегах рек и озёр, традиционные празднества, песни и т. п. И я понимаю, что это будет не совсем о том, что есть нечто иное...

Ключ к ответу на этот вопрос я нашёл у вновь открываемого нами для себя русского историка, этнографа и писателя XIX века Николая Ивановича Костомарова в словах о любви нашего народа к Петру I: «Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до которого желал довести этот народ... За любовь Петра к идеалу русского народа русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему всё, что тяжелым бременем легло на его памяти».

Выше и я написал ни о чём ином, как о своей идеализации России и русского народа через их исторических деятелей, т. е. отдельных русских людей, чтобы в любой давности прошлом иметь, видеть и чувствовать их образ, побуждающий нас к претворению этого идеала сегодня и в будущем до тех пор, пока русские люди не утратят для себя самих своих идеалов России и русского народа. Это сказано и о моей любви, и о моих надежде и вере. С незапамятных времён образ родной земли был для нас тесно связан с образом женщины, и поэтому чувства к обеим тесно срастались в наших душах и остаются неразделимыми до сих пор, как и у меня в моих стихах...

Все приведенные сведения и выводы о событиях и их участниках в тексте и сносках не являются литературным вымыслом, а почерпнуты из ряда публикаций, опирающихся на анализ летописей и хроник, историографических, этнографических и археологических исследований. Среди них следует отметить: Ernst F. Jung. Die Germanen. Weltbild Verlag, Augsburg, 1994; Robert Wernick. Die Wikinger. Bechter Miinz Verlag, Eltville am Rhein, 1992; Schtefan Wolle. Wladimir der Heilige. Verlags-Anstalt Union, Berlin, 1991; Л.Н. Гумилёв. От Руси до России. Изд. «Сварог и К», Москва, 1998; Лев Еумилёв. Древняя Русь и Великая степь. Изд. «Айрис Пресс», Москва, 2004; А.С. Королёв. Загадки первых русских князей. Изд. «Вече», Москва, 2002; В.Н.

Дёмин, С.Н. Зеленцов. Загадки российской цивилизации. Изд. «Вече», Москва, 2002; В.Н. Дёмин. Гиперборея, исторические корни русского народа. Изд. «Файр-Пресс», Москва, 2001; Избранные жития святых, III–IX вв. Изд. «Молодая Гвардия», Москва, 1992; Избранные жития русских святых, X–XV вв. Изд. «Молодая Гвардия», Москва, 1992; Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Изд. «АСТ» и «Астрель», Москва, 2010; С.А. Нефёдов. Иллюстрированная история древнего мира. Екатеринбург, 1994; ряд публикаций в Интернете: «История возникновения мировой цивилизации. Славянство как материнская религиозная культура»; работы Д. Зенина, В. Егорова.

О начале, которого не было

Где-то в россыпях звёздных есть праматерь-планета, что похожа на эту, и что так же зовут, наши вечные души на неё улетают и живут там, откуда их назад не пошлют воплотиться ребёнком или витязем славным, или князю опорой, коль лихой час грядёт... Много раз я на Землю возвращался оттуда, погибал, долг исполнив, и ждал новый черёд... Жить душе пришлось в ипостасях различных: был я гипербореем, и потомком был их – и словеном, и русом, но всё это в тумане очень древних преданий о свершеньях былых. Помню, «варваром» был я, как нас римляне звали, но не знаю, чтоб звались так народ иль язык. Был я викингом также, но вернулся обратно в земли древние русов, и остался я в них...

Всех событий былого память не сохраняет, но, коль важно, душа вдруг «вспоминает» о них – так обрывками «помню» я прошедшего годы, где зависело что-то от поступков моих... А ещё вспоминаю я сказанья и песни, что душа напевала мне о тех, с кем я был – в них и думы, и чувства, и нетленная память о вождях и героях, чтоб народ не забыл. Люди вместе с делами перед взором проходят, и о них расскажу я, потому что сейчас кое-кто начинает всё кроить и иначе, чтобы память о прошлом стерлась в душах у нас...

Так начал свой рассказ мой «соавтор», мое второе «я», доставшаяся мне душа, которая сейчас доживает во мне своё очередное воплощение. По поводу всего, что он мне поведал и как это сделал, у меня нет никаких возражений, и я принял все версии описываемых в сагах событий и их интерпретации, которые он предложил, ссылаясь на свой жизненный опыт и сведения. Но мне показалось необходимым привести в конце книги примечания, помогающие понять написанное с помощью сегодня уже признанных, дискутируемых или завоёвывающих признание трактовок.

Повествовательный текст этих саг написан четырёхстопным анапестом, однако, печатается необычным для стихов образом в строку, подобно прозаическому тексту. Благодаря специально придуманной строфе¹ его можно читать немного нараспев, подражая сказителям. Этот стиль печатания был подсказан писателем и издателем В.М. Богдановым, за что ему моя глубокая благодарность.

Изложение по просьбе моего «соавтора» перемежается написанными им песнями и стихотворениями, часть которых мною была уже опубликована ранее. Они написаны им о временах различной давности, но представлены как произведения моего современника. По его же просьбе сагам предпосланы эпитафии известных сегодня авторов, а также и его собственные (они даны без ссылки на источник). Ещё он сказал мне, что при этом оставляет за собой право вмешиваться в повествование своими «малыми поэмами» (как он их назвал), когда его мнение будет не вполне отвечать тому, что напишу я, опираясь на авторитетные в наше время источники. Как оказалось, таких «поэм» у него было не так уж мало, и они действительно пришились, как я понимаю, к месту. Иногда он мне просто кое-что рассказывал и подсказывал,

¹ Специальная строфа из восьми разделённых цезурами двустопных полустиший с мужской рифмовкой четвёртого и восьмого из них, остальные же полустишия наращены седьмыми безударными слогами.

но чаще всего внушал готовые самостоятельные вставки. Так было со «Страной Лебедией», «Человеком из Толлунда», «Капитолийской волчицей», «Востоком – делом тонким», «Исходом руссов-язычников из Руси», «Русским витязем в Палестине»... Я счастлив, что в моей душе обнаружился такой источник памяти!

Необходимо сделать ещё одно пояснение. По мере приближения к сегодняшнему дню события всё менее давнего прошлого становятся более известными широкой публике в окраске личных впечатлений, симпатий и оценок их участников или потомков этих участников, к которым относится и большинство потенциальных читателей, а также авторов нынешних интерпретаций этих событий, часто носящих след сегодняшних политических выгод.

Поэтому представилось целесообразным изменить характер последних саг. В них сокращён во многом ещё недостаточно очищенный временем от множественной необъективности повествовательный текст и последовательно расширен включаемый в него авторский лирический материал моего «собеседника», создающий нашу с ним индивидуальную эмоциональную окраску соответствующего времени.

Но что же всё-таки можно вспомнить как некоторое «начало»? Где первые всплески памяти, чем они окрашены, в какое прошлое мы с «соавтором» можем погрузиться? Давайте всё-таки сделаем такую попытку!

Сага I ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ПАМЯТЬ

*Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.*

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.
Николай Языков*

*Жить душе приходилось
В ипостасях различных:
Был я гипербореем
И потомком был их —
И словеном, и русом,
Но всё это в тумане
Очень древних преданий
О свершеньях былых...*

ГИПЕРБОРЕЯ – ТУЛЕ²

Посреди океана под Полярной звездой край чудесный простёрся, где мне жить довелось под священной горою³, где повсюду был климат мягким, и безмятежно в том краю всем жилось. День там длился полгода – солнце не заходило, и настолько же долго ночи был там черёд. Вот туда-то спустились Боги в огненных птицах, наплодили титанов – богатырский народ. А потом от титанов мы пошли и в науках, и в умениях различных были мы им под стать: знали море, по камню и металлу работу и военное дело, и умели летать...

Нам полярные сутки были битвой гигантов – злого демона ночи с добрым солнечным днём, и, хотя расселились мы, потомки титанов, вплоть до знойного Юга, свято помним о том. К Югу ж смена дня ночью ритму жизни подобна, человек не считает эту смену борьбой, мы же знали с пелёнок – Зло и Тьма нераздельны, но Добро вместе с Солнцем этот выиграют бой. И мы были готовы за Добро, не считаясь, жизнь отдать, разрывая сети липкие Зла, и по белому свету наши бились дружины, их на крыльях лебяжьих слава всюду несла.

Но случилось несчастье: вдруг наш остров счастливый, всё от предков наследство поглотила вода, лишь окраины наши уцелели, но вскоре море с сушей всё злее стали жечь холода.

² Гиперборея – название, данное древними греками прародине своих Богов, земле, расположенной «за северным ветром Бореем», легендарному полярному матерку вокруг Северного полюса, который предположительно скрылся под водами океана 10–15 тыс. лет назад в результате глобальной космической катастрофы. Туле (Фуле) – другое, по византийским и арабским источникам, наименование этого материка, архипелага или острова. Еще их называли Блаженными Островами (Островами Блаженных), Страной Счастья. Гипербореи – народ, живущий «за северным ветром», как называли его древние греки.

³ Вселенская гора предков индоевропейских народов Меру располагалась на Северном полюсе. В российских водах по некоторым сведениям действительно находится гора, которая почти достигает ледяного панциря.

Род за родом на полдень отправлялись, подолгу по пути отдыхали, но до моря дошли в тёплых странах, а в песнях лес и степи, и горы, и могучие реки всё забыть не могли...

Мы тогда говорили на едином наречье и повсюду на свете оставались семьёй, но шли тысячелетия, и условия жизни, и те, с кем породнились, разделяли с роднёй.

Так пеласги⁴ возникли, также индо-иранцы⁵, а за ними – другие там, на Юге, из нас, но все родиной древней край за ветром Бореєм, что лежит под волнами, поминали не раз. Время шло, притянули многих ариев⁶ степи, что так были похожи на родной океан, и оттуда на Запад их потомки шли, кимры⁷, скифы, позже волнами и другие... В туман прошлых тысячелетий погрузилась их память, затерявшись навеки на неведомом дне, и с пришедшими раньше начнутся войны и вражда вековая к позабытой родне... Так ни Рим, и ни греки не признали потомков древних гипербореев в бородатых⁸ лесных вдруг возникших соседях, ну а те обратили мир античный в руины и осели на них...

Часть же гипербореев оставалась на месте, где студёное море замерзало не всё, и по рекам, озёрам расселилась южнее, выжигая под пашни часть дремучих лесов. И, язык сохраняя древний, бывший единым, и что им по наследству перешло от Богов, племена постепенно те края обживали, где достаточно было от природы даров и земли плодородной, где округа по нраву и незлые соседи... Проложили пути, чтоб могли все собраться для торгового дела и военных походов, иль на помощь придти.

Протоарии⁹ эти по вождям (и по братьям) двум, Словену и Русу, стали имя носить (по словенам славяне стали зваться в дальнейшем, по загадочным русам имя дали Руси)...

И построены были грады Старая Руса и Словенск, что Великим наречён был молвой, а три тыщи лет позже Новый город¹⁰ был срублен, что на месте Словенска по сей день молодой...

ТУМАН И ПАМЯТЬ

Как в чёрно-белом фильме на экране,
Там, за рекой, похоже, лес в тумане
То исчезает, то мелькнёт на миг.
Туман как будто памяти рукою
Стёр город вместе с парком над рекою,

⁴ Пеласги – первые арии на Средиземном море в III–II тысячелетиях до н. э. Это Греция до греков, Палестина до евреев, Магриб до финикийцев, Италия до этрусков, а также и Англия до кельтов. Библейские филистимляне – отождествляются современными учеными с пеласгами. Культура пеласгов была на более высоком уровне развития, чем греков-ахейцев, пришедших в Грецию на рубеже III–II тысячелетий до н. э. и живших там еще долгое время с ними одновременно. Пеласги были наемными воинами у египетских фараонов, принесли в Египет культ солнцезбога Ра. Палестина называется так по пеласгам, поселенным там фараонами.

⁵ Индо-иранцы – первые арии, осевшие в Иране и Индостане.

⁶ Арии – потомки гипербореев, родоначальники индоевропейских народов. Они были солнцепоклонниками и огнепоклонниками и приносили этот еще гиперборейский культ в осваиваемые ими земли.

⁷ Потомки ариев – киммерийцы (кимры) были вытеснены из причерноморских степей на запад скифами, тоже потомками ариев. Кимры постепенно заселили запад и северо-запад Европы. Позже из них возникли очень близкие друг к другу кельты, славяне и германцы. В дальнейшем в результате экспансии на восток франков, а затем немцев в нашу прибалтийскую зону и восточнее были вытеснены славянские племена из северной части Центральной Европы. Еще намного раньше готы сами возвратилась из Скандинавии в степную зону Причерноморья. Оставшиеся там на месте киммерийцы смешались со скифами, затем пришли сарматы и анты, тоже потомки ариев. От всех их также ведут родословную многие славянские племена. А много севернее жили те, кто осел по пути движения гипербореев. Мы знаем их как финно-угорскую группу и опять же славян (русов и словен).

⁸ Римское наименование их всех «варвары» означает «бородатые». Кимры как предки и их степная родина упоминаются в исландских и скандинавских сагах.

⁹ Современные ученые называют гипербореев «протоариями», подчеркивая происхождение ариев от них, и не пользуются данным им древними греками названием (см. сноску 1).

¹⁰ Нынешний Новгород Великий был заложен на месте древнего Словенска Великого около 860 г. н. э.

И – ничего, похожего на них.

Лишь берега с неведомою чащей,
Испуганными птицами кричащей,
И вёсел наших приглушённый скрип,
И хорошо, когда бы наших только,
А если рядом кто? Откуда, сколько?
Но замерли – и только птицы всхлип...

Здесь городу сегодня лет под тыщу,
Но пал туман, и снова будто слышу
Я те ладьи и сердца громкий стук
У горла где-то... Вдоль реки гуляю
С собакой и почти не внемлю лаю,
Но той поры я помню каждый звук...

У всякого – своя ладья в тумане,
И берег – свой, что и страшит, и манит,
Но память общая нас душами роднит:
Тот скрип весла стал нам на всех началом,
И берег тот стал нам на всех причалом —
Он самый, что теперь одет в гранит...

И другие славяне населяли Европу, те, что с кельтами вместе там от кимров пошли, впрочем, как и германцы, чьих родов меньше было, но на Тибре¹¹ назвали и славян¹² так по ним.

Мореходами были и военным народом, знали толк в управленье и торговых делах русы касты варягов¹³, что известными стали грекам в Трое¹⁴, в Египте и на многих морях. Базой флота варягов и столицей их братства, по названью Заморье, был Варрангер-фиорд – между нашим Рыбачьим и норвежской землею¹⁵, в нём их гордое имя и поныне живёт.

Быстроходные струги для хождения по рекам, флот лодейный для моря русы изобрели, и не зря скандинавы¹⁶ для набегов пиратских переняли позднее эти их корабли.

Зная русов таланты, их охотно на службу приглашали в соседних и далёких краях, и князей из варягов, воевод и гвардейцев, и купцов привечали в землях и городах...

Есть на озере Нево¹⁷ посреди водной глади Валаам, святой остров, там стараньем волхвов мудрость предков хранилась, наша древняя вера в триединого Бога¹⁸ и двенадцать Богов, ипостасями бывших для Него в наших душах, что вели их по жизни между Злом и Добром.

¹¹ На реке Тибр стоит Рим.

¹² Славяне веныды считались римлянами «германцами» под именем вандалов.

¹³ Варяги, согласно современным воззрениям, «скорее всего, представляли собой особое воинское братство (прообраз рыцарских орденов). В его социальной структуре отчасти сохранились и архаичные черты древнеарийского кастового сословия. Может быть, варяги – трансформированный вариант одной из классических каст кшатриев, которая как раз и объединяла правителей, воинскую аристократию и дружинников. Кстати, в санскрите понятие касты имеет тот же индоевропейский корень, что и «варяг» – *vaṃa* и *vaṃga*. Варяги были хорошо организованы, обладали богатым опытом торговли, государственного управления и особенно воинского искусства» (В.Н. Дёмин).

¹⁴ Это они взяли Троию.

¹⁵ На западе Кольского полуострова.

¹⁶ Викинги без предшествовавших модификаций сразу заимели суда и вооружение варяжского типа.

¹⁷ Старое название Ладожского озера.

¹⁸ Речь идет о своего рода небесном Святом семействе: Отце, Сыне и Матери Божьей, вдыхающей во все жизнь, т. е. она то же, что Святой Дух, а двенадцать Божеств – это различные энергии Триединого.

БАЛААМ

Не ведаем, бывал ли здесь Христос¹⁹,
В краях, что нам дарованы от Бога,
Но Первозванный ученик принёс
Благую весть на Валаам – дорога
Сквозь дебри и болота пролегла
Сюда ему, допрежь принять мученья —
Праматерь наша уж давно ждала
Свидетеля Сыновья воскрешенья...
Сюда пришли те три волхва назад,
Отметив Рождество Христа дарами,
Теперь Андрей-апостол как собрат
Был встречен на священном Валааме.

Сомкнулись вера предков и Христа
Любовь и Благодать, и душ спасенье,
Став Русским Православием... Креста,
Восьмиконечного, живём под сенью,
Андрея чтим святых первее всех,
И Мать Небесная дает нам силы
Беречь рубеж, что был вручён навек
Как богопограничье здесь, в России.

Тернист наш путь, мы – блудные сыны,
Грешны, но в Храм вернулись с покаяньем,
Мы памятью души Христу верны,
Тысячелетним противостояньем
На этом пограничье... Шли века,
Мы в круговой бывали обороне,
Меч уставала поднимать рука,
Дух выпускали мы в предсмертном стоне
И погибали, чтобы восставать,
Храня рубеж земной, рубеж духовный,
Мы, может, не совсем – святая рать,
Но связаны с Ним пуповиной кровной.

Тихи теперь военные поля —
Рубеж проходит через наши души,
И в них у каждого из нас своя,
Увы, последняя, полоска суши —
Святой земли – тот самый Валаам,
И за него лишь он один в ответе,
И каждый оберечь обязан сам
В своей душе, коль хочет жить на свете...

¹⁹ Согласно апокрифам, Христос в юности совершил путешествие по северным землям, Тибету и Индии.

Меж островами вдаль волна бежит
От Валаама, за волною – звоны,
Их отзвук долго над водой дрожит,
Порой напоминая чьи-то стоны
Иль всхлипы... Вдруг оборванной струной
Замолкнет он тревожно и печально —
Лишь русскому (не тщится пусть иной)
Здесь – целый мир, как есть он изначально...
Не ведаем, бывал ли Сам Христос
На острове, священными волнами
Омытом, но Он в души нам привнёс
Наш личный Валаам, что есть мы сами...

Здесь «соавтор», доселе продолжавший внимать мне благосклонно, пока я завершить не решил сагу первую этой песней о Валааме, вдруг заметил, что сильно память я обеднил. Так большая поэма с незнакомым названием большинству нас в России появилась на свет и о многом потомкам славных гипербореев, предваряя вопросы, подсказала ответ:

СТРАНА ЛЕБЕДИЯ ОСЕННИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Как Осень каждый год мне жаль! —
Следы сплошного увяданья
Она сжигает... Скрыть страданья
Цветастая не может шаль.

Её хозяйка топчет в луже,
Обезображенной ждёт стужи,
Чтоб та ожоги остудила
И наготу под снег укрыла.

Что происходит с ней потом,
Под снегом кто её врачует,
Зима ль сама над ней колдует? —
Не знаю ничего о том...
Но вот, по Солнцу выйдут сроки,
Зима осилит путь далёкий —
К оси земной, к волхвам полночным,
Чтоб власть взять снова в час урочный.

А Осень, сбросив мокрый снег,
Встаёт девицей молодою
И просит звать её Весною,
Красой ошеломляя всех.
И начинается веселье,
Скворцы справляют новоселье,
Сады цветут, лес зеленеет,
И Солнце всё сильнее греет.

Уж миновал душистый май,
Жара пошла, гремели грозы.
От солнца выгорели косы,
Созрел богатый урожай.
Весна состарилась вновь в Осень,
Заметной сильно стала проседь,
Вконец заботы подкосили,
Но молодиться копит силы.

Так с сотворенья мира дней
Метаморфозы повторялись,
И никогда не ошибались

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.